

Теоретические дискурсы и дискуссии

Размышления по поводу поворота к биографиям в социальных науках

Майкл Рустин

Современные теории индивидуализации (Beck, 1992; Giddens 1991, 1992) доказывают, что общество эпохи модерна придает индивидам новую роль. Если более ранние аграрное и индустриальное общества предлагали социальные сценарии, и ожидали, что большинство индивидов будет следовать им, то современное общество возлагает большую ответственность на самих людей в выборе идентичности. Ослабляется значение таких социальных структур как классы, расширенная семья, профессиональные сообщества, долговременная занятость в одной фирме раньше обеспечивающие четкие границы идентичности. Одновременно, общество обрушивает на индивидов потоки информации и предлагает идентификации, альтернативные варианты устройства жизни. Взамен требуется конструирование «аутентичной» идентификации, исходя из многочисленных образцов идентичности, которые предоставляет общество потребления. Переход от концентрации внимания на исследовании классовых несправедливостей (Richard Sennet and Jonathan Cobb *The Hidden Injuries of Class*, Cobb 1972), к изучению «характера» детей того поколения (*The Corrosion of Character*, 1998) хорошо виден на примере творческой эволюции Ричарда Сеннета. Он представляет указанный переход как путь, равно состоящий как из потерь, так и из приобретений, с точки зрения физического и морального благополучия.

Некоторые теоретики этого нового «индивидуализированного» социального порядка рассматривают его как воплощенную возможность эмансипации. При таком подходе перспектива человеческого освобождения связана с «рефлексивностью» – умением понять и выбрать обстоятельства и правила собственной жизни. Несмотря на то, что признаются неопределенности и «риски» такой ситуации, высказывается беспокойство по поводу состояния социальных связей и солидарностей, необходимых для поддер-

жания смысла индивидуальной жизни. Тем не менее, некоторые авторы приветствуют этот новый мир свободы и выбора.

Другие рассматривают индивидуализацию более критично. Фуко отметил, что индивиды являются «продуктом» социальных порядков, который в основе своей столь же принудителен, как и коллективистские нормы предыдущих социальных эпох.

Критики потребительского капитализма долго трактовали выбор товаров и выбор связанной с этим идентичности, как искусственный, маскирующий зависимость от системы, которая без необходимости эксплуатирует человеческую потребность в аутентичности. Понятия «риск» и «индивидуализация» рассматриваются при этом как способ выразить растущее беспокойство и чувство незащищенности для большинства населения, что, в свою очередь, является следствием перехода экономических рисков от владельцев капитала к тем, кто не имеет социальных преимуществ. Те, кто располагает лучшими позициями на рынке труда или финансовом рынке, готовы и умеют, благодаря менеджменту, эксплуатировать ситуации неопределенности, и могут выиграть от них. Большинство же населения проигрывает и может предпочесть ситуации ограниченных рисков.

Каким бы ни было отношение к феномену индивидуализации, неудивительно, что смещение интереса к индивидам оказывает влияние на методы социальных наук. При таких условиях своевременным кажется обновление методологии и поворот к исследованию индивидов, поворот к биографии.

Исторический парадокс

Индивидуальные субъекты были «открыты» (некоторые сказали бы, что их «изобрели» или «сконструировали») и стали главным предметом культурного интереса на ранней стадии современной истории. Впервые это произошло в культуре и обществе Европы. Начиная с конца XVI века, европейское общество демонстрировало растущий интерес к индивидам, их отличиям, приписываемой им психологической глубине, моральным ценностям, готовности к изменению и развитию. «Будь верен сам себе», – говорил Полоний сыну Лаэрту в «Гамлете», озвучивая этим банальным поучением модные идеи того времени. Портреты и автопортреты Рембрандта отражали новое направление в саморефлексии и восприятии времени. Печатное слово, будучи первым и наиболее важным способом вывода информации за пределы локального контекста, позволяло человеку формулировать собственное мнение об опыте других людей: первоначально в форме переводов Библии на родной язык, а затем в виде других типов письменного текста. Протестантство потребовало от индивидов постоянной готовности к самоконтролю и самоочищению. Философия семнадцатого века взяла за основу знание о чувственном опыте (Беркли, Локк, Юм) или идеи об интроспекции (Декарт, Спиноза). Появление романа в восемнадцатом веке подготовило читателей к рефлексии о смыслах жизни других, таких же, как они людей. Среди ранних романов одним из оказавших наибольшее влияние стал «Робинзон Крузо». Роман показал жизнь человека, живущего в условиях виртуальной изоляции и самодостаточности, став символическим основанием идеи индивидуального. Лирическая поэзия

формировалась на идее индивидуальной чувственности, а субъективность основывалась на различиях индивидуальных чувств. У Вудсворта в его «Прелюдии» (The Prelude) идея духовной биографии достигла своей канонической современной формы. В Германии в тот же период «бильдунгсроман» или нарратив развития личности (особенно в Гетевском «Вильгельме Майстере») обосновал параллельный взгляд на мир через жизненный опыт типичного индивида. Позднее возродилась драма, которая первой выступила на передний план культурного «открытия» индивида (постановки древнегреческих трагедий в Англии и Германии в шестнадцатом и семнадцатом веках), как форма исследования сложностей индивидуальной жизни (работы Ибсена, Стриндберга, Чехова и более поздние драматурги от Миллера до Беккета). В свою очередь, кино стало на редкость влиятельным и популярным средством утверждения индивидуальной идентичности, достоинства и красоты, а также популяризации идеализированного образа индивида путем изобретения феномена «звезды». Эти различные виды имиджей и рефлексии по поводу индивидуальной жизни являются в широком смысле «биографическими», хотя биографии, которые они конструируют, по большей части «воображаемые» или «художественные».

Парадокс состоит в том, что хотя целый набор форм западной культурной презентации в основном представлен индивидами и в течение веков работал в жанре воображаемых биографий, социальная наука в целом не испытывала симпатии к этим подходам и, как правило, исключала биографии из сферы своих интересов.¹ Почему так происходило?

Объяснение этого парадокса лежит в утвердившихся концепциях научного метода исследования, который доминировал в социальных науках до недавнего времени. Сила естественных наук заключается в методах генерализации и абстракции, в способности увидеть феномен сквозь призму одной определенной перспективы, генерирующей знание, при отбрасывании всех других. Очевидно, что, изучая солнечную систему или биологические виды, человеческое тело, химические элементы, необходимо отфильтровать (отбросить) первичную текстуру мифологических, религиозных, культурных и эмоциональных ассоциаций, с которыми данный феномен связан в сознании носителей определенной культуры. Это является фундаментальным требованием при переходе к новому измененному восприятию объекта.² Готовность к реинтерпретации и, следовательно, к контролю над миром природы на новом уровне, требует отказа от предшествующего «обыденного» понимания, в котором религиозные, эстетические и моральные смыслы были так же важны, как и описание фактов и объяснение.

Чрезвычайно острое столкновение общества модерна с обществом «домодерна» из-за отношения к миру природы и его освоению описано Робертом Сэком (Sack, 1986) в его работе о понимании земли и места жителей Северной Америки. Что для туземного индейского населения было местом, глубоко пронизанным культурными значениями, поселенцам-европейцам

¹ В гуманитарных науках и у историков биографии всегда были важным источником, начиная с Плутарха *Lives* и Визари *Lives of the Artists* и далее. Только социальные науки в основном избегали биографического метода.

² Это тема большинства работ Эрнста Геллера, например, *The Legitimation of Belief* (1975).

представлялось скорее куском территории, ценность которого измерялась его потенциальной экономической отдачей. Двум сообществам, имевшим принципиально разный взгляд на мир, было трудно понять друг друга.

Чрезмерная требовательность к надличностной объективности и обобщениям была философской доктриной позитивизма, появившегося в начале двадцатого века в период интеллектуального доминирования физики. В результате выводы, которые не были связаны ни с наблюдаемыми фактами, ни с логическими отношениями между элементами, отбрасывались (Ауер, 1936).

Таким образом, уподобляясь естествоиспытателям, биологи и психологи принялись конструировать модели тела и духа, описывавшие универсалии и закономерности, и дававшие возможность понять человеческое поведение «объективно», то есть в терминах абстрактных схем, основанных на сходстве.

Внимание к индивидуальным особенностям и вариациям рассматривалось как препятствие на пути к созданию генерализованной науки о человеке. Экономисты, в свою очередь, для объяснения поведения и социальной организации сконструировали идеальную модель рационального деятеля, которая также была абстракцией от целого набора человеческих мотивов и смыслов. Интеллектуальными предшественниками как психологии, так и экономической науки были философы-эмпирики Гоббс, Локк и Юм, а также утилитаристы, которые расщепили человеческую мотивацию на ее «первичные элементы или атомы».

Исключения: феноменология и психоанализ

Можно назвать два основных исключения из описанного выше доминирующего подхода в области социальных наук. Первое – идеализм, или субъективизм, позиция меньшинства в социологии, идущая от Дильтея. Эта традиция оказала влияние на основной мейнстрим через Макса Вебера, вылившись в компромисс между идеализмом и эмпирической методологией. Этот компромисс нашел отражение в формуле, что «объяснение должно быть адекватным и на уровне причины, и на уровне смыслов». Идеалистическая традиция, особенно сильная в немецкой философии, имела продолжительное влияние на социальные науки через феноменологию и герменевтику и на американскую интеракционистскую социологию через Гуссерля и Альфреда Шюце, а влияние Гуссерля было ощутимо во Франции благодаря Сартру, Мерло-Понти и Рикеру. В то время как в Англии рационализм оставался главенствующим течением, вследствие доминирования эмпиризма, в немецкоязычной культуре эти вопросы обсуждались шире, несмотря на то, что оба направления, как идеалистическое, так и эмпирическое, пребывали в изгнании и возродились в Федеративной Республике Германии только после войны (Adorno, 1976). Во Франции идеи субъективности были вытеснены в результате распространения структурализма и постструктурализма, интеллектуальные программы которых основывались на конструировании индивидуальных субъектов посредством систем языка и культуры. Даже там, где социология действия и практика оставались важными, как в работах Пьера Бурдьё, индивидуальная субъективность подчинялась идеям пространственного рассмотрения

социальных структур, формирующих конкуренцию коллективных акторов за доступ к материальному, социальному и культурному капиталу. Идеалистическая или феноменологическая традиция стала основным источником биографического подхода в социальной науке, как напрямую, через ее усвоение социологами Германии и Франции, так и косвенно – в результате слияния с символическим интеракционизмом в Соединенных Штатах.

Вторым важным исключением из антисубъективистского течения, преобладавшего в социальных науках, был психоанализ. Здесь непривычным для социальных наук был отказ от противопоставления научного метода методу воображения, типификацией и исследованием специфическим. Фрейд намеревался развить новую психологическую науку для объяснения причин ментальных состояний, связав их с биологической основой в виде инстинктивных стимулов. Он рассматривал себя как ученого, хотя первичным методом его исследования было изучение отдельных случаев (кейс-стади) – историй болезни его пациентов и биографий окружающих его людей, точнее, данных, полученных по методу психоаналитического лечения с его специфической методикой интерпретации сновидений и свободных ассоциаций. Фрейд конструировал типические модели психических структур на основе индивидуальных случаев. Другие психоаналитики проверяли его результаты как путем исследования применимости его теоретических моделей к своему клиническому опыту, так и путем поиска сходства и различий между случаями из собственной практики и теми, которые описал Фрейд и другие аналитики. Постфрейдовское развитие психоанализа следовало тому же методу. Исследование отдельных случаев в клинике, широкое использование методов «сопоставления» (аналогии) и «противопоставления» как источников для понимания было главным эмпирическим ресурсом для развития психоаналитических теорий и методик. Передача и воспроизводство психоаналитических идей происходили в большой степени через клинические примеры, поиск «семейного сходства» между проявлениями типической психической структуры на практике. Без этих клинических иллюстраций и примеров психоаналитические теории оказываются просто интеллектуальными абстракциями. Там, где поле слишком сильно опирается на абстрактные теории, не бывает большого прогресса.

Настойчиво обращаясь к «личности в целом» и настаивая на необходимости понимать иррациональные аспекты ментальной жизни как важные составляющие человеческой природы, психоанализ тем самым отказывается признать легитимной предшествующую ортодоксию наук о человеке. Заявления Фрейда о научном статусе психоанализа бурно обсуждались, но психоанализ не получил полного признания в академической психологии и психиатрии, во всяком случае, в Великобритании. Но по другую сторону барьера, разделявшего «две культуры» (естественно-научную и гуманитарную), психоанализ стал очень популярным. Те возможности, которые давал психоанализ для размышлений о вызывающих беспокойство и плохо понимаемых сторонах человеческой личности, были взяты на вооружение в таких культурных метрополиях как Вена, Берлин, Лондон, Нью-Йорк, Париж, Буэнос-Айрес, где был простор для открытых и острых споров. Фактически, психоаналитические идеи стали частью повседневной жизни, они оказались особенно вли-

тельными в области искусства. Идеи о том, что «разум» может и не быть очевидным, прозрачным для самой личности, что коммуникация часто по форме кажется немотивированной, или, наоборот, перегруженной намерениями, а также может иметь метафорическую форму, стимулирует работу воображения. Поскольку образцы искусства обычно не следуют точным правилам и стандартам и часто объектом интереса избирают экстремальный опыт специфического, то, несомненно он оказал существенное влияние именно на искусство и гуманитарное сознание и получил лишь частичное признание в науке....

... Парадоксально, но художественные образы смогли ближе подойти к сути субъективного опыта, чем обобщающие исследования в науке³, которые не смогли схватить специфичность и ситуативность жизненных реалий, или фактологические описания индивидов, общий недостаток которых состоит в отсутствии сопоставимости и связности, отсутствии ощущения «эссенциальности». Именно поэтому понимание мира человека и идей, связанных со смыслом существования, для многих более ассоциируется с так называемыми «художественными» произведениями: например, с фильмами, пьесами, романами, телевизионными сериалами, чем с произведениями социальных наук, теоретическими или описательными. Уже упоминалось, что американские гангстеры учатся «своей роли», посещая кинотеатры. Возможно, большинство людей может легко вспомнить моменты, когда они искали внешние образцы для утверждения собственной идентичности в такого рода моделях. Это одна из важнейших социальных функций культуры – предложение моды не только в области быта, но и в стилях жизни и формах самопрезентации.

«Поворот к культуре» в социальных науках

Относительно жесткая граница между «научным» и «образным» способами понимания жизни человека и общества начала разрушаться в 1960-е годы в разных научных направлениях. Книга «Структура научных революций» Т.С. Куна (1962) инициировала определенную революцию в понимании науки. Автор показал, что понимание науки, как и любое другое явление, есть результат социального процесса: современная позиция «науки», которая кажется объективной и единой, по отношению к объектам изучения не является таковой, если ее рассматривать с позиции развития научных воззрений, которое происходило через противоречия и конфликты. Кун и последующие исследователи в области социологии и антропологии науки предложили новое плюралистическое понимание научного знания, подчеркивая, что научное знание появляется в виде множества вариаций, степень приближения к истине всегда зависит от консенсуса в научном сообществе. Продолжается жесткий спор между защитниками объективности и абсолютной истины в науке и теми, кто, основываясь на социологических работах Куна, пришел к выводу, что определенная научная позиция зависит от норм и интересов тех, кто ее занимает. Бруно Латур (Latour, 1987; Latour and

³ Hinshelwood (1989) является ценным источником информации о теориях и концепциях Клейна. Двухтомное собрание, изданное *Spillius* (1988) описывает современные достижения этой традиции.

Woolgar, 1986), один из наиболее влиятельных последователей Куна в социологии науки, предположил, что сам предмет спора был сформулирован неверно. Он утверждает, что истинная картина мира с неизбежностью опосредована человеческим восприятием. Хотя природа и имеет собственное существование и атрибуты, и ее воздействие дает нам возможность отличать ложные положения от истинных, не может быть прямого обнаружения истины. То, что ученые привносят в научное исследование, неизбежно влияет на то, что открывает наука.

Значение такого подхода состояло в расширении понимания науки и в раскрытии ее действительной диверсификации. В результате стало легче признать валидность методологий, включая качественный и интерпретативный подходы в гуманитарных науках, которые прежде признавались принадлежащими скорее к сфере искусства, чем к науке. Социальные науки заняли место, которое раньше оставалось непонятной, ничейной территорией между наукой и искусством.

В то время как абсолютизм научных положений в науке был поставлен под вопрос, началось движение и в некоторых видах искусства и гуманитарных областях, которые совпали по времени с этим процессом и привели к широкому изменению в социальных науках, известным как «культурный» или «лингвистический» поворот (Rorty, 1967; Chaney, 1994; Jameson, 1998). Это направление в литературной и культурной теориях, точно так же как и в точных науках, пыталось поставить под сомнение абсолютистские положения. В то время как наука настаивала на объективности природы, гуманитарии отстаивали аутентичность и автономию индивидуального субъекта. Структуралистская и постструктуралистская литературная и культурная критика начала применять в 1960-х годах более системный, или «научный», подход к анализу языка и других символических систем. Выяснилось, что значения всегда конструируются через различного вида соглашения и ожидания и не являются спонтанным изобретением автономных индивидов. В доведенной до крайности форме это привело к выводу о «смерти автора», то есть к интерпретации произведений искусства как синтеза разнообразных культурно обусловленных жанров или сценариев. Так же как социологическая критика науки подрывала идею «архимедовой точки» в объективном понимании науки, структуралистские и постструктуралистские работы в области текстуальной детерминации подрывали идею абсолютной индивидуальной аутентичности – зеркального отражения сциентизма.

Эти две схожие парадигмы, поддержанные также идеалистическим и прагматическим течениями в философии, которые отдавали предпочтение «формам жизни» (Wittgenstein, 1953), и основывались на положении, что разделяемые интересы и нормы являются важнейшей основой веры (Rorty, 1980) придали новое значение культурным нормам как реальности, через которую рефлексивно опосредуются все «понимания».

Признание культурного разнообразия или относительности «понимания» отражало, как и все важнейшие интеллектуальные революции, изменения в мире, а также изменения в моделях его интерпретации. Принципиально то, что усилились требования культурных сил (или авторитетов), которые, начиная с 1960-х, возникали в форме новых «голосов» – поколения, гендера,

класса или этничностей и их ценностных требований, которые должны быть услышаны. Доминирующие «просветительские» взгляды на мир и «улучшающую мир» миссию империализма, воплощенные в двух противоположных версиях эпохи «холодной войны», начали размываться. Прежние культурные элиты стали частично терять свою власть и влияние, информационные потоки и массовое образование привели к становлению своеобразной культурной демократии. «Культурный поворот» стал ресурсом для рефлексии по поводу растущего разнообразия взглядов на мир⁴.

От культурного поворота к биографическому?

Именно на этом пересечении мы и должны рассматривать место биографического метода в социальных науках и культуре, а также его возможности. Его появление ни в коей мере не является простым следствием, т.е. это не означает, что из-за культурного и лингвистического поворота с необходимостью следует биографический поворот. История биографических методов в социальных науках, по-видимому, развивается волнообразно, за всплесками креативности обычно следует возвращение к нормальному положению маргинала. Как мы показали, культурный поворот не сводится автоматически к субъективистскому или биографическому подходу. Первичное влияние культурного поворота состояло в разрушении идеи индивидуальной автономии и аутентичности, которая до сих пор была главной основой, отделявшей гуманитарные дисциплины, построенные на «воображении», от «научных» дисциплин. Как только все декорирующие атрибуты индивидуального самовыражения были идентифицированы и сопряжены с культурным контекстом, индивид оказался конечной точкой, «остатком», который лежит «за» объяснением или описанием⁵. Не все студенты, изучающие литературу или кинематограф, были обрадованы, узнав, что авторы (илиauteurs), которых они собирались изучать, в университете, не существуют в качестве теоретической конструкции.

Что принесет изучение индивидов и субъективности? Представляется, что будут найдены связи между индивидуальными историями жизни и более широкими рамками их понимания. Там, где биографические исследования ограничиваются изучением и прославлением индивидуальной жизни как таковой, маловероятно, что они могут стать приемлемым и привлекательным объектом исследования. Слишком много биографий, слишком много специфики, слишком много различий для их тонкого анализа и описания, чтобы их запоминать самих по себе. Социальные исследователи, с присущей им склонностью к пониманию репрезентативных или типичных социальных фактов, в целом согласны с таким мнением. Подход, который сводится к обобщению фактов, имеет те же ограничения и там, где рассматриваемые факты касаются субъективного опыта, историй жизни или устной истории. Понимание включает привнесение смыслов, выявление причинной связи, типологию, а

⁴ Бауман в *Legislators and Interpreters* (1987) обратил внимание на авторитарные способы мышления эпохи Просвещения, и отстаивал большее «уважение» к различиям.

⁵ Или, другими словами, субъективность нерациональна, находится вне причинных связей, или она достаточно социализирована. Это решительно отстаивал Лакан.

не просто детальное описание. Что же еще может ожидать биографический метод, кроме внимания к деталям жизни, что и является его эпистемологической основой?

Возвращение к двум вещам – литературной репрезентации и психоанализу – может помочь нам понять смысл «репрезентативности», что необходимо, если биографические методы хотят утвердиться в мейнстриме социальных наук. Эстетики-реалисты, начиная с Аристотеля и его «Поэтики», показали, что «художественные» репрезентации достигают высокого уровня достоверности и типичности⁶ в представлении прежде незамечаемых областей человеческого опыта. «Типичность» представлена в искусстве не в форме абстрактной генерализации, а в виде воображаемых примеров специфических конфигураций опыта. Достоверность определяется через идентификацию, признание идентичности или сходства. Такое восприятие идентичности достигается через представление воображаемой жизни или эпизодов из нее. Аудитория признает, что любая женщина, поставленная в ситуацию Медеи в трагедии Эврипида, могла бы убить своих детей, – таким образом, то, что сначала кажется чудовищным, становится понимаемым. Правдоподобие отдельного случая конструируется и интерпретируется через значимые договоренности. Это придает обобщенную значимость тому, что представлено в качестве объекта для признания. Как мы говорили, этот способ репрезентации, раскрытия и понимания является одним из наиболее действенных в нашей культуре, возможно, во всех человеческих культурах, построенных на воображении.

Психоанализ применяет стратегии, которые имеют как сходство, так и отличие от тех, что построены на воображении. Его эмпирический метод состоит в изучении конкретных случаев, но при этом концепция репрезентативности теоретически определена, аккумулирована и систематизирована. Эта дисциплина направлена на познание и обучение на отдельном примере (история случая, кейс-нарратив), но путем теоретического обобщения и абстрагирования в сочетании с эвристической и коммуникативной значимостью отдельного случая. Психоаналитическое изучение индивидуальных жизней предпринимается с теоретически специфической точки зрения. Она предполагает существование внутреннего мира, или подсознания, которое закрыто (не прозрачно) для самих индивидов, но может быть раскрыто как самим пациентом, так и при помощи психоаналитика. Моральной движущей силой такого процесса изучения является наличие душевной боли и желания, как со стороны пациента, так и аналитика, преодолеть ее там, где это возможно. (Это несомненно имеет свое происхождение в стремлении медицины преодолеть или смягчить физическую боль).

Типы ментальных или эмоциональных расстройств, которыми занимается психоанализ, эволюционировали на протяжении его истории, возможно, отражая изменения социально конструируемых видов типического человеческого опыта. Сегодня пациенты реже представляют себя как людей с истерическими симптомами, ставшими результатом сексуального насилия, чем

⁶ Проблема «типификации» была центральной при использовании феноменологии в социологических исследованиях в США, например, в работах Альфреда Шюца (1970).

во времена Фрейда⁷. Но чаще заявляют, что их жизнь лишена смысла, жалуясь на неспособность любить или испытывать длительную привязанность. Это поле обогатилось, как с точки зрения теории, так и с точки зрения методов, в сферу его интересов теперь входят как индивидуальные, так и групповые процессы, процессы в социальных институтах, а также метод невключенного наблюдения в естественных условиях, к жизни обыкновенных детей в их семьях.⁸ Все эти методы психоаналитической работы по-прежнему сочетают эмпирическое изучение случая с анализом отдельных аспектов типологии и генерализации психических признаков.

В противоположность этому в социологии индивид занимал достаточно подчиненное положение. Отчасти это связано с тем, что социология сформировалась в XIX веке в оппозиции к дисциплинам (классическая экономика, психология), где взгляды на индивида расходились в исходном. Более того, социология должна была полностью восстановить способность науки рассматривать индивидов серьезно. Перед социологией как областью знания ставилась задача давать валидные обобщающие знания об обществах, их структурах и процессах, и о развитии в целом. Понимание индивидов было подчинено этой цели, и в результате было невозможно изучать целостность человеческой жизни, так же как и актуальные возможности потенциального деятеля.

Приоритет общества над индивидом более всего ощущался в рамках функционалистской традиции, цель которой состояла в познании того, как достигается состояние равновесия внутри обществ, и каков вклад в этот процесс различных элементов социального порядка. Индивиды в таких моделях представляли интерес постольку, поскольку они выполняли нормативные требования тех социальных структур, частью которых они являлись. Индивиды определялись как носители социальных ролей, необходимые для заполнения соответствующих ячеек, предусмотренных обществом. Сами по себе они мало что приносят в эти роли. Психоанализ был привлечен Талкотом Парсонсом для того, чтобы объяснить, каким образом индивиды – в результате нормальной социализации в детском возрасте – начинают подчиняться этим требованиям. Интересные вопросы возникали там, где такие обязательства оказывались в конфликте друг с другом, где носителям ролей казалось невозможным следовать однозначному сценарию. В функционалистской традиции такие ситуации интерпретировались как «конфликт ролей», и Роберт Мертон (1957) построил известную типологию способов адаптации типичных индивидов к таким ситуациям.⁹

Парсонс также определил области индивидуального и социального стресса, например, в подростковом возрасте, благодаря анализу процесса усвоения типичными индивидами предписанных ролей и ожиданий. Идеализированный конформизм, приписываемый носителям ролей, был одним из пунк-

⁷ Это пример «двойной герменевтики» Энтони Гидденса: «открытие» проблемы сексуального насилия в работах Фрейда внесло вклад в изменение социального отношения к проблеме сексуальности. Это процесс, который не завершен до сих пор. Конечно, это не привело к ликвидации сексуального насилия, которое остается стороной нормального развития, но изменило формы его проявления и обсуждения в обществе.

⁸ Психоаналитические обзоры исследований детей младшего возраста описаны Miller et al (1989) и Ried (1997); и в журнале *The International Journal of Infant Observation*.

⁹ Конформизм и неконформизм с точки зрения средств и целей обобщены в понимании четырех человеческих типов как конформизма, новаторства, бунтарства и «ухода».

тов расхождения функционалистской социологии с ее критиками, стоящими на позиции символического интеракционизма. С того момента, когда они начали теоретически рассуждать о ролях как о «создаваемых» в большей степени, чем «исполняемых», и уделять внимание интеракциям, благодаря которым индивиды ищут свой путь в социальных структурах, стала возможной другая социология (Rose, 1962). Именно на этом «разрыве» в основном и возникла большая часть социо-биографической традиции в Америке.

Альтернативное социологическое направление «теории действия», которое прослеживается от Макса Вебера, концентрирует свое внимание на деятельности и индивидуальной субъективности. Идеальные типы Вебера являются типами «социальной деятельности», в которых типичные конфигурации средств и результатов представляют собой строительные блоки моделей социальной структуры. Индивиды-эмблемы (Кальвин, Бенджамин, Франклин) описаны Вебером в качестве примера благодаря их причинно-образующим действиям в определении норм деятельности. Дебаты по поводу «деятельности и структуры» продолжают определять поляризацию социологической теории с важными современными попытками преодолеть ее раз и навсегда (Giddens 1984, Archer 1995, Mouzelis 1995). Но «деятельность», которой отдают предпочтение волонтаристская и субъективистская школы в социологии скорее относится к коллективной, чем к индивидуальной. Несмотря на современный интерес к индивидуализации и рефлексивности, до сих пор мало интереса проявлялось к изучению этих форм существования в той форме, как они проживаются индивидами. Определяющим для социологии кажется то, что социальное первично, и, хотя последствия социальных типов характера и личности описывались многими социологами (например, изучение бюрократического типа личности, аморальной семейственности, тоталитарных институтов, криминального опыта), систематизированное изучение индивидуальных биографий редко вносило существенный вклад в такие исследования. Биографический поворот, если он произойдет в социальных науках в широком масштабе, требует развития методологии для изучения общества и культуры, но скорее от индивида «вверх», чем от социальной структуры «вниз». Это эвристическая стратегия, которой без труда следуют как искусство репрезентации в литературе, так и психоанализ. Что же необходимо для того, чтобы социология нашла свое собственное применение биографии?

Биографические методы в социологии: индивид как деятель

Первостепенные проблемы биографической социологии состоят, с одной стороны, в необходимости сохранения преимущественно социологических рамок анализа, с другой стороны, в демонстрации того, что первичное знание о социальной структуре и процессах может быть получено на основе изучения индивидуальных историй жизни (Rustin, 1998). Так же как сила психоаналитического метода заключается в совмещении отдельного случая с теоретическими рамками его рассмотрения в психоаналитике (идентификационные характеристики личности защищают ее от беспокойств, критических состояний связанных с развитием, психических процессов и их проявлений в жизни индивидов), так и в социологии биографический метод не должен забывать о своей первичной рамке – позиции в отношении социологической теории.

Необходимо показать, что социологическая теория может развиваться, основываясь на изучении индивидуальных случаев в противовес привычной социологической практике, когда индивидуальная жизнь предстает как имеющая смысл, только будучи вписанной в рамки уже утвердившихся ранее социологических категорий.

Чтобы такая методология оставалась социологической, необходимо показать, что жизненная траектория или индивидуальный способ существования являются социально репрезентативными. Это позволит понять – путем построения вывода или выявления сходства – другие подобные случаи, относящиеся к тому же виду. Что отличает биографическую социологию (как это уже произошло с кейсом как формой знания в психоанализе и в романе), так это то, что первичной точкой отсчета, основой при построении выводов и определении сходств и различий является индивидуальный субъект.

Более глубокого аргументирования требует подход к обоснованию *эффективности* индивида (как социальной силы). Изменения в методе часто включают в себя изменения в онтологии, наряду с эпистемологией – т.е. не только то, как мы познаем реальность, но и то, какова структура этой реальности и каковы ее движущие силы. В случае с «культурным поворотом» акцент был перенесен на эпистемологию, на язык и символы. Онтологически это привело к уверенности, что язык и культура видоизменяют, предопределяют характер социальной реальности. Более ранним примером трансформации подобного рода, при которой изменения в эпистемологии и онтологии были связаны между собой, является возникновение социологии, которая наряду с постулированием новой категории «социального факта», доказала также его причинную силу. Недавние достижения в географии, в развитии ее постмарксистского теоретического базиса, а также исторически-ориентированные разработки социальной теории привели к равному по важности эвристическому утверждению, к изменению перспективы, выраженному в аксиоме «пространственных связей». Аналогичную роль в развитии психоанализа сыграла идея о том, что подсознание оказывает определяющее влияние на психическую деятельность, именно из этого утверждения развились психоаналитические методы исследования и клиническая интервенция.

Если «биографический поворот» в социологии состоится, то можно ожидать, что он будет иметь онтологическую составляющую, а также новую эпистемологию социо-биографических методов исследования. Онтологическая позиция должна состоять в том, что индивиды являются деятельными агентами, что биографии делают общество, а не являются его продуктом. Пока не будет показано, что индивиды видоизменяют общество, что они являются социальной силой, до тех пор, в конечном счете, мало что можно будет ожидать от изучения социального мира с биографической точки зрения.

Мысль о том, что индивиды являются и в возрастающей мере становятся деятелями, заложена в современных идеях «индивидуализации» и «рефлексивности», идеях, которые еще ждут адекватных методов изучения.¹⁰ Эта идея, несомненно, уже глубоко укоренилась в основанной на воображении

¹⁰ Название «Социальные стратегии в обществе риска» было присвоено международному проекту изучения проблемы социального исключения биографическим методом - см. *Chamberlayne and others (1999)*.

западной литературе, чья эвристическая ценность вытекает из повторяющегося признания того, что хотя индивиды взаимодействуют с другими и с социальным миром в целом, они выступают как деятельные агенты. Так происходит со всеми героями романов от Филдинга или Джейн Остин до Конан-Дойля или Ла Карре; в драматургии – от Эврипида до Атоля Фугарда и их ближайших параллелей в кино и на телевидении, где детективы, гангстеры, частные лица или герои вестернов и злодеи являются образами потенциальных деятелей. Представление индивидов как существенно утративших способность действовать, как в пьесах Беккета или Чехова, обычно требуется для того, чтобы привлечь внимание к состоянию кризиса или боли.

Ранее это не было столь очевидным, бесспорным. Изменения, ассоциируемые с «культурным поворотом», продемонстрировали силу влияния языка, дискурсов и символических систем. Они были антигуманистичны и критичны по отношению к идее индивида как субъекта. Но более позднее развитие пост-структурализма приняло несколько иное направление. Как только была признана бесконечная сложность дискурсов и языка, идея полной детерминированности индивидуального и социального опыта стала несостоятельной. Во-первых, потому, что индивиды (и коллективные агенты) оказывались в точке пересечения и в ситуации выбора между конкурирующими и противоречивыми дискурсами, и, таким образом, вынуждены были делать выбор. Во-вторых, потому что язык, остается средством общения, импровизации, фиксации. Он не является застывшим шаблоном, просто фиксирующим нашу манеру говорить или индивидов, которые говорят с нами.

Ранняя структуралистская версия культурного поворота была очень рационалистична, приписывая (в работах Леви-Стросса и Альтюссера) идеологиям и культурным системам способность воспроизводить себя без вмешательства агентов – наподобие алгоритмов компьютерных программ¹¹. Но как только были признаны сложности дискурсов, новый пост-структурализм стал придавать значение случайности и тому, что находится вне языка. Процесс «зарождения» категорий и способов мышления, их инструментальная роль как фактор влияния (что является эффектом деятельности) стали объектом внимания в работах Фуко и проявились в возродившемся интересе к Ницше. Мы можем сказать, что перспектива, в которой прежде доминировал конфликт двух идеологических систем, теперь заменена другой перспективой, в которой объектом внимания стали случайность и критическое осмысление самих факторов влияния. В ответ на более анархический дух модернизма постструктурализм открыл существование «иррациональных предпосылок причинности», субстрата опыта, который должен быть отрефлексирован прежде, чем возникают рациональные дискурсы.¹² Возвращение «до-рационального», и, тем самым, слу-

¹¹ Даже генетическое воспроизводство не происходит без включения определенных моментов случайности, непредсказуемости и вариативности.

¹² Этот взгляд имел своей философской основой феноменологическую традицию Гуссерля и Хайдеггера и требовал признания социальными науками иррационального. Он стал результатом влияния различных интеллектуальных течений, включая прагматизм (США, Richard Rorty), этнометодологию и феноменологическую традицию (Garfinkel), пост-структуралистскую традицию (Франция, Derrida), а также результатом влияния американской и британской литературной критики; а также психоанализа Лакана, который свел вместе Фрейдовское понимание иррационального и Гегелевский философский дискурс.

чайного, (что перекликалось с фундаментальными положениями психоанализа, и, в действительности, стимулировалось им благодаря вкладу Лакана в постструктурализм) стало одной из посылок для признания индивидуальной деятельности как процесса самосоздания и самопризнания.

В то время как ранняя структуралистская фаза «культурного поворота» была, несомненно, антитезой идее индивидуального субъекта, его поздняя, постструктуралистская фаза открыла пространство для возвращения к понятию деятельности индивидов, хотя в этом новом контексте индивид уже не являлся тем целостным субъектом, каким он был в классическом гуманизме.

Эта эволюция проясняет теоретическую основу для тех исследований, которые начинаются с признания за индивидами определенных жизненных стратегий, траекторий и типов самоидентификации в качестве первичных строительных блоков, при помощи которых возможно создание более обобщенных представлений об обществе. Признание случайности как пространства, в рамках которого индивиды создают смыслы и формируют стратегии своей жизни, является здесь решающим, если биографическая перспектива служит тому, чтобы избежать первичного социального редукционизма как урезания сферы социального.

Социобиографические данные обычно направлены на поиск в индивидуальных высказываниях элементов, которые являются социальными, типичными для той или иной социальной формы. Мы можем рассматривать такие элементы, как сегменты «социального сценария» (Харре, 1997) или формы самопрезентации, производные от существующих социальных репертуаров. Важное определение Шеффом (1997) качественных методологий как сфокусированных на связи между частями и целым описывает одно из направлений, в котором проявляется социальный контекст. Такие интерпретативные процедуры, будучи необходимыми, все же несут в себе риск разложения (деконструкции) субъектов на их социальнопроизводные элементы, подобно тому как деконструктивные процедуры над текстом иногда ведут к разрушению оригинального произведения искусства, перенося власть над текстом от создателя к критику. Присущая социологии тенденция рассматривать общество как движущую силу, а индивидуального субъекта – как его продукт, всегда будет вести к опасениям, что биографические методы пойдут именно по этому пути.

Этого можно избежать, только если индивидуальные кейсы станут новым пунктом для построения выводов о социальной структуре. Биографические методы в социальных науках должны развивать свой лексикон, отталкиваясь от эмпирических исследований индивидуальных жизней, биографий, которые являются образцами, но не в смысле морали, а в смысле репрезентативности определенных типов жизней.¹³ Традиция таких исследований (социобиографический «канон») может быть создана на основе существующих классических работ в этой области¹⁴, и развита в ходе новых исследований.

¹³ Обычно же под субъектом биографии понимается только выдающийся человек. Социобиографии же изучают жизнь социально-репрезентативных индивидов, а не жизнь «великих людей». Социо-биографический подход (или психобиографический) может и должен придать пониманию биографии более разговорный характер. Здесь исследуются социобиографии обычных граждан, нормальных субъектов социальных наук.

¹⁴ Денцин (1989) дает краткий обзор.

Отдельные случаи (кейсы) всегда были важным источником открытий в социологии, ее наиболее ценными «письменными источниками».¹⁵ «Плотное описание», предложенное и рекомендованное Клиффордом Гирцем, а также этнографическими исследованиями Пола Виллиса (Paul Willis), является примером раскрытия социологической истины посредством определенных холистических документов, на основе которых теоретические обобщения выводятся как следствия. Такие кейс-стади описывают социальную деятельность в действии. Историки обычно идут таким же путем, от отдельного случая. Они добывают знание о социальных феноменах на основе воспоминаний отдельных людей, а также путем теоретической генерализации. Классическим примером является идея революции и факторов ее развития на примере Французской революции (этот случай служит образцом, как для социальных исследователей, так и для революционеров). Книга Франсуа Фуре «Интерпретируя Французскую революцию» (Francois Furet, *Interpreting French Revolution*, 1981) является постмодернистским доказательством теоретической состоятельности партикуляристского подхода (от частного к общему). Автор отверг теории, которые объясняют революцию ее зависимостью от внешних социальных сил (преимущественно классовых конфликтов), объясняя ее как процесс, который развивается из своего собственного дискурса, как эпизод в саморазвивающейся коллективной деятельности. Этот пример познания на основе социально-специфического является холистическим или этнографическим эквивалентом биографического метода.

Подобно этнографическим исследованиям, описывающим примеры социальной жизни, из которых выводится понимание характерных атрибутов социальной жизни, социо-биографические работы могут опираться на индивидуальную перспективу. Это обычная форма получения знания в психоанализе - через кейс-стади. Но наиболее часто понимание достигалось благодаря художественной литературе, через описание индивидуальных историй жизни. Царь Эдип, Медея, Король и Леди Макбет, Фауст, Анна Каренина, Раскольников, Гедда Габлер, Нора, Эстрагон и Владимир – общеизвестны в европейской культуре потому, что их создатели идентифицировали ранее не известные, но тем не менее репрезентативные типы социального существования. Хотя с научной точки зрения может показаться, что социальная достоверность выступает только в виде абстрактных общих положений или в виде законов, в реальности понимание социального мира может быть в равной степени представлено в виде ярких отдельных случаев. Этнография и биография исследуют процессы, а не просто структуру. Только через отдельные случаи можно наилучшим образом исследовать и представить саморефлексию, процесс принятия решения и деятельность в человеческой жизни. Именно поэтому кейс-стади незаменимы для понимания людей.

¹⁵ Концепция принадлежит Bruno Latour.

Эпилог о социологическом образовании

Кажется, далеко в прошлом осталось время, когда социология воодушевляла большинство студентов как уникальное средство ясного и широкого взгляда на мир. С момента своего расцвета в 1960-х эта наука, в результате бесчисленных малых теоретических революций, внедрения ее лучших идей и методов в соседние области знания и в результате переживания разочарований в своих открытиях, пришла к заключению, что ее озарения не изменили мир в направлении большего равенства голосов и большего участия. (Возможно, ее озарения оказали влияние, разоблачая социальную и культурную власть, но не в том направлении, какого ожидало большинство социологов).

Биографический поворот может дать новую возможность социологам вернуть интерес и энтузиазм студентов. В «индивидуализированном» мире, в котором социальные идентичности – класс, пол, раса, поколение – становятся несостоятельными или подвергаются сомнению, можно ожидать, что предложение начать изучение общества со своего собственного индивидуального опыта, окажется привлекательным. Идея о том, что социальные идентичности формируются и реконструируются на индивидуальном, субъективном уровне, должна быть интересна тем, кто хотел бы понять, каковы пространства, на которых можно выстроить осмысленную жизнь и карьеру. Любая теоретическая и методологическая программа выиграет при определении области своего практического применения. Нео-марксисты, близкие к Грамши, определили практику «органических интеллектуалов» (учителей, социальных работников, журналистов) как артикуляцию социального опыта отдельных коллективных субъектов. У неолибералов предписываемая активность (практика) ориентировалась на приобщение к культуре предпринимательства. Биографический поворот в социальных науках способен предложить такую исследовательскую форму активности, в которой студенты могут изучать, как люди создают свои миры в интеракции с другими, каковы источники индивидуальной боли и удовлетворения, и выявить мотивационную основу жизни других людей.

«Провести социо-биографическое интервью и с его помощью исследовать историю жизни индивида (например, одного из своих прародителей)», – достойная тема инициативного исследования для студента-социолога.

Литература

Adorno, T.W. 1976. *The Positivist Dispute in German Sociology*, London: Heinemann.

Archer, M.S. 1995. *Realist Social Theory: the Morphological Approach*, Cambridge: Cambridge University Press.

Ayer, A.J. 1936. *Language, Truth and Logic*, London: Gollancz.

Bauman, Z. 1987. *Legislators and interpreters*, Cambridge: Polity.

Beck, U. 1992. *Risk Society*, London: Sage.

Chamberlayne, P., Cooper A., Freeman, R. and Rustin, M. (eds) (1999) *Welfare and Culture*, London: Jessica Kingsley Publishers.

Chaney, D. 1994. *The Cultural Turn: Scene-setting Essays on Contemporary*

- Cultural History, London: Routledge.
- Denzin, N.* 1989. *Interactive Biography*, London: Sage.
- Furet, F.* 1981. *Interpreting the French Revolution*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Geertz, C.* 1975. *The Interpretation of Cultures*, London: Fontana.
- Gellner, E.* 1975. *The legitimation of Belief*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Giddens, A.* 1984. *The Constitution of Society*, Cambridge: Polity.
- 1991. *Modernity and Self-Identity*, Cambridge: Polity.
- 1992. *The Transformation of Intimacy*, Cambridge: Polity.
- Harre, R.* 1979. *Social Being*, Oxford: Blackwell.
- Hinshelwood, R.D.* 1989. *A Dictionary of Kleinian Thought*, London: Free Association Books.
- Jameson, F.* 1998. *The Cultural Turn: Selected Writings on the Postmodern. 1983-1998*, London: Verso.
- Kuhn, T.S.* 1962. *The Structure of Scientific Revolutions*, London: Chicago University Press.
- Latour, B.* 1987. *Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers through Society*, Milton Keynes: Open University Press.
- Latour, B. and Woolgar, S.* 1986. *Laboratory Life: the Construction of Scientific Facts*, 2nd edn, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Merton, R.K.* 1957. *Social Theory and Social Structure*, Glencoe, IL: Free Press.
- Miller, L, Rustin, M.E., Rustin M.J. and Shuttleworth, J.* (eds) 1989. *Closely Observed Infants*, London: Duckworth.
- Mouzelis, N.* 1995. *Sociological Theory: What Went Wrong?*, London: Routledge.
- Reid, S.* 1997. *Developments in Infant Observation*, London: Routledge.
- Rorty, R.* (ed.) 1967. *The Linguistic Turn: Recent Essays in Philosophical Method*, London: University of Chicago Press.
- 1980. *Philosophy and the Mirror of Nature*, Oxford: Blackwell.
- Rose, A.M.* 1962. *Human Behavior and Social Processes: an Interactionist Approach*, London: Routledge and Kegan Paul.
- Rustin, M.J.* 1997. 'Give Me a Consulting Room', *British Journal of Psychotherapy* 13(4), 527-41.
- 1998. 'From Individual Life Histories to Sociological Understanding', *SOSTRJS Working Paper 3*, Centre for Biography in Social Policy, University of East London.
- 1999. 'Psychoanalysis: the Last Modernism?', in D. Bell (ed.), *Psychoanalysis and Culture: a Kleinian Perspective*, London: Duckworth.
- Sack, R.D.* 1986. *Human Territoriality: Its Theory and History*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Scheff, T.A.* 1997. *Emotions, the Social Bond, and Human Reality: Part/Whole Analysis*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Schutz, A.* 1970. *Alfred Schutz on Phenomenology and Social Relations: Selected Writings*, London: University of Chicago Press.
- Sennett, R.* 1998. *The Corrosion of Character*, London: Norton.
- Sennett, R. and Cobb.* 1972. *The Hidden Injuries of Class*, Cambridge: Cambridge University Press.

Теоретические дискурсы и дискуссии

Spillius, E. 1988. *Melanie Klein Today: Vol. 1: Mainly Theory. Vol. 2: Mainly Practice*, London: Routledge.

Willis, P. 1977. *Learning to Labour: How Working Class Kids Get Working Class Jobs*, Farnborough: Saxon House.

Wittgenstein, L. 1953. *Philosophical Investigations*, Oxford: Blackwell.

Перевод В.В. Семеновой